

30. Масаев М. В. Образ Святой Руси как парадигмальный символ православной цивилизации//Культура народов Причерноморья. – 2005. - №65. – С. 140-144
31. Масаев М. В. Сакральная символика Рене Генона//Культура народов Причерноморья. – 2005. - №66. – С.131-132
32. Масаев М. В. Храм во имя святого Николая//Крымская газета. – 1992. - №124. – 18 декабря. – С.3
33. Масаев М. В. Масаев М. В. Свято-Никольский храм Севастополя//Республика Крым. – 1992. - №36. – декабрь
34. Ивин А. А. Введение в философию истории: Учеб. Пособие. – М.: Гуманит. Изд. Центр ВЛАДОС, 1977. – 288 с.
35. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. – М.: Мысль, 1979. – 431 с.
36. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры: М.:Искусство, 1973. – 318 с.
37. Тэрнер В. Символ и ритуал: М.: Наука, 1982. – 277 с.
38. Хейзинга Й. Осень Средневековья. Исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIУ и ХУ вв. во Франции и Нидерландах/Перевод Д. В. Сильвестрова; от. Ред. С. С. Аверинцев; М.: Наука, 1988. – 539 [1] с., [9] л.илл.

Масаев М.В.

КАРЛ МАРКС И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ И МАРКСИЗМ. К ВОПРОСУ О РОЛИ СИМВОЛА КАК КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

Какое отношение имеет К. Маркс к раскритикованному марксистами [1 – 5] и восходящему к прагматизму [3, с. 213],[5, с. 211] и социал – бихевиоризму [6, s. 803] идеалистическому учению под названием символический интеракционизм? О символизме в работе К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» [15, с. 115 – 217] мы уже писали в статье «Феномен образного воплощения пространственно – временного континуума исторической рефлексии» [36, с.96]. Было отмечено, что образ Наполеона I помог его племяннику прийти к власти и превратиться из президента республики в императора Франции Наполеона III [36, с.96]. В вышеупомянутой работе К.Маркса говорится не только о том, как образ Наполеона I помог его племяннику Луи Бонапарту стать символом Наполеона I, что предопределили приход Луи Бонапарта к власти в качестве президента Французской Республики, а затем и превращение его в символический день восемнадцатого брюмера (день прихода к власти Наполеона Бонапарта в качестве первого консула Французской Республики – М.М.) в императора Франции Наполеона III. В работе К. Маркса содержалось и интересное пророчество о том, что если Луи – Наполеон, живой символ своего дяди – императора, в свою очередь станет императором Франции, то вечный символ Наполеона I, его бронзовая статуя, низвергнется с Вандомской колонны. [15, с. 217]. В новой статье мы попытаемся доказать, что отношение основоположника марксизма к символическому интеракционизму гораздо более интимное, чем отношение К.Маркса к еще более рьяно раскритикованной марксистами «реакционнейшей» и даже «фашистской» теории геополитики. В 1989 г. «Вопросы истории» попробовали напомнить, что Карл Маркс был не только марксистом, но и ... геополитиком [7, с.11 – 12]. Сразу после этого о К.Марксе как о геополитике забыли. Вспоминали о ком угодно: о Пармениде, Аристотеле, Платоне, Полибии, Цицероне, Страбоне [8,с. 9 – 10], [9, с.58 – 69], [10, с.15 – 16], «отце медицины» Гиппократе и Абд ар – Рахмане Абу Зейд Ибн Хальдуне [10, с. 59 – 60], [11, с.16], Жане Бодене [8,с.12], [9, с.61], [10, с.13], [11 с. 17], Шарле Монтескье [8, с.12], [9, с.62], [10, с.14], [11, с.17], И. Г. Гердере и И. Канте [8, с.12], [9, с.63, 65 – 66], [10, с.14], [11, с.17], [12, с.6], Г. В. – Ф. Гегеле [8, с.12], [9, с.66], [11, с.17], А. фон Гумбольдте [8, с.12], [9, с.65], [10, с.14], [11, с.17], [12, с.6], Г. Бокле [8, с. 12], [9, с.67], [10, с. 17], Карле Риттере[8,с.12], [9, с.64], [10, с.14], [12, с. 6], но только не о Карле Марксе, Вот только Н. А. Нартов, характеризуя одного из основоположников геополитики американского адмирала А. Мэхена, отмечает, что А. Мэхен, как и К. Маркс, хорошо знал историю [10, с. 59], а, цитируя К. Маркса, оправдывающего геополитику Петра I, российский геополитик отмечает, «как достаточно известно, К. Маркс не питал любви к русским, славянам» [10, с.58]. Здесь нельзя только не добавить, что, недолюбливая русских и славян и любя, как патриот своей родины, немцев, К. Маркс считал, что геополитические устремления России (от Киевской Руси до России императорской - М. М.) к Балканам и Константинополю гораздо более оправдано, чем геополитические устремления Германии к Средиземному морю и Риму [13, с. 238], [14, с. 202]. Но если в духе учения геополитиков сформулированы отдельные конкретные мысли К. Маркса, то в духе символического интеракционизма написано целое и весьма значительное произведение К. Маркса «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» [15, с.115 – 217]. Но прежде чем приступить к анализу этой довольно – таки большой работы (более ста страниц тома собрания сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса), которую все марксисты считают классической, рассмотрим, что же такое символический интеракционизм.

Прежде всего следует отметить, что это далеко не маргинальное учение, и популярность его и прежде всего трудов его основоположника Джорджа Герберта Мида (George Herbert Mead) (1863 – 1931) [16 – 21] растет, о чем писал в 1979 г. Л. Г. Ионин в своей «Понимающей социологии» [1]. «Идеи Мида, не пользовавшиеся популярностью более чем четверти века, ныне получают широкий резонанс», - писал советский социолог [1, с.67]. Автор общего курса социологии для студентов высших учебных заведений Украины В. М. Пича (В.М.Піча) [22], посвятивший символическому интеракционизму четвертый параграф третьего раздела своей книги (наименование раздела «Основные школы и направления современной социологии»)

КАРЛ МАРКС И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ И МАРКСИЗМ. К ВОПРОСУ О РОЛИ СИМВОЛА КАК КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

[22, с. 56 – 59], символический интеракционизм «одним из наиболее интересных и продуктивных направлений в современной социологии, которое сводит содержание социальных процессов к взаимодействию индивидов в группе и обществе». [22, с.56]. К сожалению, А. И. Погорелый (А. И. Погорелий) в книге «Социологическая мысль XX столетия» [23], подробно разобрав идеи современных социологов от Эмиля Дюркгейма и Макса Вебера до Иммануила Воллерстайна и Э.Геллера, не нашел места для символического интеракционизма. [23].Украинский логик А. Т. Ишмуратов[42] берёт на вооружение лишь интеракционизм без символа[42, с.178 - 184]. Правда, обойтись без Я – ОБРАЗА и Я - КОНЦЕПЦИИ[42, с.178 - 181]он не может. На Я в разных проявлениях у Дж. Г. Мида обратил внимание и Л.Г.Ионин[1]. Но главное не в этом.Представители школы символического интеракционизма нашли то, что отличает человеческое общество от стада животных, - это то, что люди в результате эволюции утратили развитую систему инстинктов, как регуляторов поведения, создав в качестве регуляторов своего поведения символы. И главное у Дж.Г.Мида – это не открытие им Я (self)(сам – М.М.) и не разделение его на врожденное и малоподвижное [I](я в именительном падеже – М.М.) и плод социального взаимодействия me (я в косвенных падежах – М.М.), как это кажется Л.Г.Ионину [1,с. 71], а символически опосредованное взаимодействие, возникновение которого можно объяснить и функционально, как необходимость координировать поведение людей, ибо у них таких надежных как у животных инстинктов уже нет, и антропологически – способностью людей создавать и использовать символы, на что и обратил внимание украинский социолог В. М. Пича[16, с.57].И в «Социальной психологии» представителя чикагской школы символического интеракционизма Т. Шибутани – главное в символической организации опыта[25, с.103 - 109],[26, с.107 - 112] и во вступлении в символическое окружение[25, с.397 - 404],[26, с.400 - 413].Американский социолог ставит перед человечеством задачу «научиться мыслить конвенционными терминами», то есть символами[25, с.400],[26, с.413], что позволит человеку стать «участником символического окружения данной группы»[25, с.400],[26, с.413].Всё это сводится к задаче, поставленной ещё Дж. Г. Мидом «усвоение значения символов и собственной роли». [17,р.369].К сожалению, не пользуются достижениями этой школы и в практических исследованиях на всем постсоветском пространстве. В советском Союзе, отмечая положительные достижения школы символического интеракционизма и И. С. Кон [2] и Л. Г. Ионин [1] не могли, естественно, пропагандировать символический интеракционизм, так как Дж. Г. Мид «не мог взглянуть на общество «с “высоты” марксистского анализа». [1, с.70]. А Д. Н. Шамин в Большой Советской Энциклопедии вообще объявил «попытки представить символический интеракционизм как общую социологическую теорию, в равной мере пригодную для описания межличностного взаимодействия и глобальных процессов, несостоятельными» [5, с.211]. Но то, что эпигоны марксизма считали «несостоятельным», сам К. Маркс с успехом брал на вооружение почти за сто лет до публикации работ основателя символического интеракционизма Дж. Г. Мида. При этом К. Маркс, пользуясь символом в анализе и объяснении политических событий позволял себе произвольно перемешать их в пространстве и времени и даже совмещать. Так К. Маркс делал выдающегося деятеля английской буржуазной революции Оливера Кромвеля фактически символом и лидера якобинцев Максимилиана Робеспьера, возглавившего Великую французскую буржуазно – демократическую революцию в момент ее наивысшего подъема и Наполеона Бонапарта, возглавившего Францию в период нисходящей линии французской революции, фактически во время ее отката. А М. Робеспьера и Н. Бонапарта К. Маркс делал символами Оливера Кромвеля , хотя последний умер в 1658 г., за 131 год до начала революции во Франции, называя О. Кромвеля Робеспьером и Наполеоном английской революции. [24, с. 656]. И К. Маркс, и Дж. Г. Мид, и такой известный представитель чикагской школы символического интеракционизма как американский социолог, профессор философии Калифорнийского Университета Тамотсу Шибутани (Tamotsu Shibutani) [25], [26], кстати весьма популярный среди советских социальных психологов и социологов в конце 60 – х, начале 70 – х годов, считали символ важнейшим регулятором поведения людей. Эпигон марксизма российский политолог и социолог А. А. Радугин отводит определенную роль символу в политике, но лишь в рамках политической культуры. В теме 12 – ой своей «Политологии» он посвящает символам целый параграф 6 – ой, который он озаглавливает не иначе как «Политическая символика как элемент политической культуры» [27, с. 193 – 200], а в параграфе «Политическая коммуникация» уделяет роли символа лишь три строчки [27, с. 204].О роли символа, но только в логике и только в форме синтаксиса и семантики писали В. А. Смирнов и П. В. Таванец [43], при этом они, правда, отметили, что символическая логика может помочь «решить фундаментальные вопросы философии»[43, с.5], но не больше. Символические интеракционисты, в частности такой как Т. Шибутани считает символ решающим фактором в регуляции поведения людей. В параграфе «Символическая организация опыта» своей «Социальной психологии» Т.Шибутани констатирует, что «символы могут заставить людей вступить в священную войну, предпринять опасное подвигство, участвовать в отвратительном линчевании или погибать, героически защищая безнадежное дело.» [25, с.105], [26, с.108]. Так с декабря 1979 г. по 15 февраля 1989 г. в Афганистане погибли более 15 тыс. советских солдат и офицеров и более 50 тыс. было ранено. Было потеряно 109 самолётов, 322 вертолета, 147 танков, 1314 БМП и БТР, 432 орудия и миномета, 11 377 автомобилей. Потери афганцев, которых уничтожали из всех видов оружия, составили, как минимум, миллион человек. Через афганскую «мясорубку» прошли 527 тысяч советских воинов, в том числе 60 тысяч офицеров и более 100 тысяч десантников и спецназовцев. Расходы СССР на ведение войны и оказание безвозмездной помощи населению (до 300 эшелонов в день!) оказались роковыми для истощенной советской экономики. 10 лет никому не нужной войны обошлись советскому народу в 70 миллиардов долларов, выброшенных в ущелья и горы. [27, с.11]. И все из – за чего? Из – за неправильно понятых символов как с одной, так и с другой стороны. СССР и ДРА вое-

вали за идеалы социализма, а получили крах социализма как в ДРА, так и в СССР. Моджахеды, или точнее сказать, душманы (враги – М.М.)А в 1830 г. Николай 1, получив от российского дипломатического агента в Кабуле поручика Ивана (Яна) Виткевича план воода русских войск в Афганистанн, согласованный с афганским руководством и лично с эмиром Дост Мухаммед Шахом, с целью упредить ввод английских, наложил на этом документе резолюцию: «Пусть в Афганистане умирают англичане». Получивший очередной чин и орден Я. Виткевич застрелился, считая задачу своей жизни загнать русскую армию в Афганистан и создать благоприятные условия для польского восстания провалившейся. Английский «дипломат» в Кабуле полковник Александр Бернс торжествовал. Но ... не долго. В одну ночь его, жившего в Кабуле без охраны зарезали, а стоявшую под Кабулом английскую армию вырезали. Оказавшемуся при английской армии генерал – губернатору Индии помимо всего прочего отрезали нос и уши, которые коллекционировал «сторонник» англичан претендент на афганский престол Шуджи аль – Мульк. Исторический опыт был, но ... приверженность к символам оказалась сильнее. Особенно выражена приверженность к символам у военных. Боевое Знамя части (Военно – морской флаг) есть символ воинской чести, доблести и славы. За утрату этого символа несут суровое наказание не только непосредственные виновники, но и командир и начальник штаба, а часть расформируется и прекращает с потерей символа свое существование.

Интересно, что также, как и представитель чикагской школы символического интеракционизма Т. Шибутани, роль символа понимал и К. Маркс, дав в «Восемнадцатом брюмера Луи Бонапарта» блестящий пример действия символа как регулятора поведения больших масс людей в масштабе целой нации. [15, с.115 – 217]. Французская нация пошла не за личностью, а за символом. Ф ведь символ, как отмечает В. Е. Павлова, «вещественно обозначает нереальное». [41, с. 225]. Французы отнеслись к Луи Бонапарту, как если бы это был не он, а его дядя Наполеон Бонапарт, то есть не к реальному Луи Бонапарту, а к нереальному Наполеону Бонапарту. Как отмечал Т. Шибутани, «символ – это некий объект, образ действия или слово, по отношению к которому люди действуют так, как если бы это было нечто другое» [25, с.105], [26, с.108]. Так, стремясь предотвратить ввод американских войск в Афганистан, Советский Союз сделал «нечто другое», разорив за 10 лет страну, убив более миллиона её жителей, создал условия для почти беспрепятственного ввода американских войск и их спокойного там нахождения, погубив и просоветское государство ДРА и совершив самоубийство – ликвидацию СССР.

Также неумно поступил и французский народ, отдав голоса президенту Луи Бонапарту, символу, а не личности, отнесясь к нему как к нечто иному, а именно к дяде Наполеону Бонапарту. В результате такой «локомотив истории»[28, с.86] как французская революция 1848 года исчезла «в руках ловкого шулера» [15, с.122]. И локомотив этот не смог продвинуть французскую историю сколько – нибудь вперед по вине не личности, а символа. Интересно, что, толкуя предсказание христиан о приходе Антихриста, французский религиозный философ XX столетия Рене Генон полагает, что это (Антихрист) будет не личностью, а символом: «это существо, даже если оно появится в форме определенной личности, реально будет скорее символом, чем индивидом, как бы самим синтезом всего перевернутого символизма, используемого «контрнициацией» ... как бы инкарнацией самой лживости».[29, с.294]. Именно такой «инкарнацией самой лживости» и явился Луи Бонапарт, «ловкий шулер», в руках которого исчезает революция, а «целый народ, полагавший, что он посредством революции ускорил свое поступательное движение, оказывается отброшенным назад, в умершую эпоху»[15, с.121].И привели к этому не «законы классовой борьбы», не какие - то там «экономические императивы», а вера французов в символ, не в Луи Бонапарта как личность, а как в символ Наполеона Бонапарта. Эпигоны К. Маркса заметили в работе «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» периодизацию истории последней французской революции, анализ всех перипетий политической жизни Франции революционных лет, они увидели бонапартистский переворот как следствие резкого обострения классовых антагонизмов буржуазного общества, усиления контрреволюционности буржуазии, которая из страха перед пролетариатом отказалась от такой непосредственной формы своего господства как буржуазная республика, и ради сохранения эксплуататорского строя передали власть в руки реакционной клики авантюристов.[30, с.375 – 376]. Да, эпигоны К. Маркса были в

самом деле «на высоте марксизма», и они могли оценить это произведение К. Маркса только так. Сильна же оказалась «клика авантюристов», опрокинувшая все успехи классовой борьбы, силен же был «ловкий шулер», в руках которого исчезла целая «революция»! Тем более, что К. Маркс как раз и пытается доказать ничтожность Луи Бонапарта, и это ему вполне удается, в отлчте от Виктора Гюго, который в своей статье «Наполеон Маленький» , стараясь унизить Лию Бонапарта, фактически возвеличил его. Нет, не был Луи Бонапарт личностью. Это покажет и его правление, и его бесславный конец. Бездарная сдача им под Седаном в 1870 году французской армии и позорное свержение его 4 сентября того же года – самое яркое тому свидетельство. После революции 1848 года к власти во Франции пришла не личность, а символ, воспоминание о сильной личности Наполеона Бонапарта и Великой французской революции, а в 1848 – 1851 гг.по Франции, по выражению К. Маркса «бродил только призрак» [15, с.121] этой действительно великой революции. Луи Бонапарт – не личность, а символ и символ карикатурный. «Гегель где – то отмечает, что все великие всемирно – исторические события и личности появляются, так сказать, дважды, - так начинается К. Маркс свою работу. – Он (Гегель – М.М.) забыл прибавить: первый раз в виде трагедии, второй раз в виде фарса. Косидьер вместо Дантона, Луи Блан вместо Робеспьера, Гора 1848 – 1851 гг. вместо Горы 1793 – 1795 гг., племянник вместо дяди. И та же самая карикатура в обстоятельствах, сопровождающих второе издание восемнадцатого брюмера!»[15, с.119]. Далее К.Маркс отмечает прагматическую необходимость символа как регулятора поведения людей. Так деятелям старой французской революции (так К. Маркс называет Великую французскую революцию – М.М.) оперировали символами римской истории, осуществляли задачи своего времени «в римском костюме и с римскими фразами на устах»[15, с.120], а

КАРЛ МАРКС И СИМВОЛИЧЕСКИЙ ИНТЕРАКЦИОНИЗМ И МАРКСИЗМ. К ВОПРОСУ О РОЛИ СИМВОЛА КАК КАТЕГОРИИ ФИЛОСОФИИ ИСТОРИИ

«Кромвель и английский народ воспользовались для своей буржуазной революции языком, страстями и иллюзиями из Ветхого завета».[15, с.120]. Да, К. Маркс показывает и границы действия символа. «Когда же действительная цель была достигнута..., Локк вытеснил пророка Аввакума».[15, с.120]. Но все дело в том, что деятели «старой французской революции» и английской революции были личностями. Луи Бонапарт личностью не был. Он был и остался символом, но символом пустым. Он стал президентом абсолютно незаконно, в нарушение статьи 44 – й конституции, которая гласила «Президентом французской республики не может быть тот, кто когда – либо терял свое звание французского гражданина. Первый президент французской республики, Луи – Наполеон Бонапарт, не только потерял свое звание французского гражданина, не только был специальным констеблем в Англии – он был к тому же натурализованным швейцарцем».[15, с.136]. Он не был достойным кандидатом в президенты, он был лишь символом. И совсем не как личность он вел себя при совершении переворота. «Кромвель при роспуске Долгого парламента явился один в зал заседаний, вынул часы, дабы не дать парламенту ни одной минуты долее назначенного им срока, и выпроваживал каждого члена парламента веселыми юмористическими насмешками, Наполеон, более мелкий, чем его прототип, все же отправился 18 брюмера в Законодательный корпус и прочел ему – правда, прерывающимся голосом – его смертный приговор. Второй Бонапарт, который к тому же имел в своем распоряжении исполнительную власть совершенно иного рода, чем Кромвель, или Наполеон, искал себе образец не в летописях всемирной истории, а в летописях Общества 10 декабря, в летописях уголовного суда. Он украл у Французского банка 25 миллионов франков, купил генерала Маньяна за один миллион, солдат – по 15 франков за штуку, с водкой впридачу и т.д.»[15, с.200 – 201]. Французский народ этого не видел и об этом не знал. Он видел лишь символ – треугольную шляпу Наполеона 1. Конечно, К. Маркс не был бы основоположником марксизма, если бы не увидел за Луи Бонапартом определенный класс, класс парцеллярного крестьянства [15, с.207]. Но класс этот выступил не как политический класс со своими четко выраженными интересами, а как опьяненная обаянием символа масса. Эпигоны марксизма увидели у К.Маркса идею о том, что «предрасудки толкнули крестьянина к Бонапарту»[30, с.376], но они не увидели с «высоты» марксистских предрасудков того, что предрасудком французских крестьян была вера в ложный символ. Будучи лишь, как грядущий Антихрист,[29, с.294] символом, а не личностью, «терзаемый противоречивыми требованиями своего положения, находясь при этом в роли фокусника, вынужденного все новыми неожиданностями приковывать внимание публики к себе, как к заменителю Наполеона (символу Наполеона, так как ни на что иное он способен не был – М.М.), другими словами – совершать каждый день государственный переворот в миниатюре, Бонапарт погружает все буржуазное хозяйство в сплошной хаос..., создает настоящую анархию во имя порядка и в то же время срывает священный ореол с государственной машины, профанирует ее, делает ее одновременно отвратительной и смешной».[15, с.217]. Такова судьба всех, кто приходит к власти, эксплуатируя себя как символ, не будучи личностью. И если личность, в которую поверили как в символ, в итоге не оправдывает оказанного ей доверия, это отражается и на той личности, которая действительно была личностью и в лучах славы которой купалась та персона, которая личностью так и не стала. Ненависть к пустому символу Наполеону III перейдет со временем и на память о Наполеоне I. И К. Маркс как истинный симвоолог это предвидел, закончив свою работу мыслью о том, что если «императорская мантия падет на плечи Луи Бонапарта», «бронзовая статуя Наполеона I низвергнется с Вандомской колонны».[15, с.217]. Так это и случится в 1871 году. И Наполеон I не будет в этом виноват. И все это, как и приход к власти пустого символа, так и его бесславный уход произошло в полном соответствии с разрабатываемой нами концепцией парадигмальных образов и символов эпох и цивилизаций [31 – 38] и с учением чикагской и айовской школ символического интеракционизма, истинным предшественником которых был Карл Маркс. И не случайно Карл Маркс разобрался во всех перипетиях развития событий во Франции после февральской революции 1848 года, увидев приход к власти знаковой, символической фигуры, но ничтожной личности. Это обстоятельство не мог не заметить Б. А. Крылов[30, с.367]. Но, находясь на «высоте» голого марксистского анализа, не дополненного подходом символического интеракционизма, он не придавал этому значения. А ведь вся логика изложения более чем на сотне страниц текста К. Маркса проходит именно под знаком трудно объяснимого с иных, кроме символистических точек зрения, прихода к власти ничтожной личности. Не случайно К. Маркс на страницах первого тома своего «Капитала» заметил, что «размышление над формами человеческой жизни, а следовательно, и научный анализ этих форм, вообще избирает путь, противоположный их действительному развитию. Оно начинается post factum [39, с.85]. И практическое значение понимания роли символов в политике не следует ограничивать культурно – символическим типом социальной стратификации, операциями с сакральными знаниями, с религиозным, научным и идеологическим манипулированием, как это понимают российские социологи Валерий Радаев и Овсей Шкаратан[40], а так как это понимал К. Маркс для конкретного анализа большой политики.

А символ, даже если он и не парадигмальный, должен стать серьезной категорией философии истории.

Источники и литература:

1. Ионин Л.Г. Понимающая социология: историко – критический анализ. – М.: Наука,1979. – 207 с.
2. Кон И.С. Социология личности. – М.: Политиздат, 1967. – 383 с.
3. Интеракционизм//Философский энциклопедический словарь. – М.: «Советская энциклопедия»,1983. – 840 с. – С.213.
4. Символический интеракционизм//Философский энциклопедический словарь. – М.:”Советская энциклопедия“, 1983. – 840 с. – С.698

5. Шамин Д.Н. Мид(Mead) Джордж Герберт//Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах).Гл.ред. А.М.Прохоров. Изд.3 – е. – М.: «Советская энциклопедия», 1974. – т.16, Мёзия – Моршанск.1974, - 616 с. с илл. – С.211.
6. Mead,George Herbert//Meyers Enzyklopadisches Lexikon. – Band 15: Let – Mek. – 848 s. – Bibliographisches Institut. – Mannheim/Wien/Zurich. – s.803.
7. Маркс К. Разоблачение дипломатической истории. ХУШ в.//Вопросы истории. – 1989, - №4. – С. 11 – 12.
8. Поздняков Э.А. Геополитика. – М.: АО Издательская группа «Прогресс» - «Культура», 1995. – 96 с.
9. Тихонравов Ю.В. Геополитика./Учебное пособие. – М.: ЗАО «Бизнес – школа «Интел – Синтез», 1988. – 368 с.
10. Нартов Н.А.Геополитика: Учебник для вузов. – М.: ЮНИТИ, 1999. – 359 с.
11. Сирота Н.М.Основы геополитики.Учебное пособие. – СПб.: ИВЭСЭП, Знание, 2001. – 136 с.
12. Гаджиев К.С. Геополитика. – М.: Международные отношения, 1997. – 384 с.
13. Маркс К. Поражение правительства по финансовому вопросу. – Извозчики. – Ирландия. – Русский вопрос.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч.,2 – е изд. – т.9. – С.231 – 240.
14. Маркс К. Русско – турецкие осложнения. – Уловки и увертки британского кабинета. – Последняя ноте Нессельроде. – Ост. – Индский вопрос.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. – т.9. – С.199 – 207.
15. Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. – т.8. – С.115 – 217.
16. Mead G.H. The philosophy of the present. Chicago: London, 1932.
17. Mead G.H. Mind, self and society. Chicago, 1934.
18. Mead G.H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris), 1934.
19. Mead G.H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris), 1947.
20. Mead G.H. Geist, Identitat und Gesellschaft aus der Sicht des Sozialbehaviorismus (hg. Von Ch. W. Morris), 1968.
21. Mead G.H. The philosophy of the act.Chicago, 1938
22. Піча В.М. Соціологія: загальний курс. Навчальний посібник для студентів вищих закладів освіти України. – К.: «Каравела». – 2000. – 248 с.
23. Погорілий О. І. Соціологічна думка ХХ століття : Навч. Посібник. – К.: Либідь. – 1996. – 224 с.
24. Кромвель (Cromwell) Оливер//Советский энциклопедический словарь. Издание третье. – М.: «Советская энциклопедия», 1984. – 1600 с., ил. – С.656.
25. Шибутани Т. Социальная психология. Сокращенный перевод с английского В.Б.Ольшанского. Общая редакция и послесловие профессора Г.В.Осипова. – М.: «Прогресс». – 1969. – 536 с.
26. Шибутани Т. Социальная психология. Перевод с английского В.Б. Ольшанского. – М.: Астана: Ростов – на – Дону: Феникс. – 1999. – 544 с.
27. Евтеев А. Афганистан: моджахеды были бессильны против советского спецназа//Интересная газета. Плюс. - №176 (357), октябрь 2005. – С.11.
28. Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.//Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2 – е изд. – т.7. – С.5 – 110.
29. Генон Рене. Пародия, или духовность наизнанку/ в кн.: Царство количества и знамения времени// Генон Рене. Избранные произведения: Традиционные формы и космические циклы.Кризис современного мира. – пер. с фр. – М.: НПЦТ «Беловодье», 2004. – 304 с. – С.289 – 296.
30. Крылов Б.А. «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»// Большая Советская Энциклопедия (в 30 томах). Гл.ред. А. М. Прохоров, 3 – е изд. М.: «Советская энциклопедия», 1971. – т.5. Вешин – Газли. - 1971, 640 с. с илл., - с.375 – 376.
31. Масаев М.В. Парадигмальные образы как символы эпох.//Культура народов Причерноморья. – 2000. - №14. – С.132 – 136.
32. Масаев М.В. Научная парадигма и интервальный метод: соотношкние, Понятие парадигмального образа в философии истории// Культура народов Причерноморья. – 2001. – №21. – С.210 – 221.
33. Масаев М.В. Роль образа в интервальном подходе в философии истории// Культура народов Причерноморья. – 2001. - №22. – С.199 – 205.
34. Масаев М.В. Место и роль ООН в парадигмальном образе грядущей цивилизации// Международное право. – 4/2000/13. – С.296 – 304.
35. Масаев М.В. Парадигмальный образ современной цивилизации в свете геополитических построений и концепций глобального политического прогнозирования// Культура народов Причерноморья. – 2004. - №55. – т.3. – С.203 – 204.
36. Масаев М.В. Феномен образного воплощения пространственно – временного континуума исторической рефлексии// Культура народов Причерноморья. – 2004. – №56. – Т.2. – С.96.
37. Масаев М.В. Крест как символ парадигмального образа эпохи христианской цивилизации.// Культура народов Причерноморья. – 2004. –№56. – Т.2. – С.96 – 106.

38. Масаев М.В. Чернобыль как символ в контексте постижения парадигмальных образов и символов эпох (философско – исторический аспект)// Культура народов Причерноморья. – 2005. – №57. – Т.2. – С.148 – 149.
39. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый// Маркс К., Энгельс Ф., Соч., 2 – е изд. Т.23. – С.85.
40. Радаев В.В., Шкаратан О.И. Социальная стратификация. – М., 1995.
41. Павлова Е.В. Символ, его сущность и вариативность в ранних романах Г.Мелвилла// Таврический экологический институт. Ученые записки. Выпуск 1. – Симферополь, 1999. – С.225 – 233.
42. Ишмуратов А.Т. Вступ до філософської логіки: Підручник для студентів та аспірантів гуманітарних спеціальностей вищих навчальних закладів. – К.: Абрис, 1997. – 350 с.
43. Смирнов В.А., Таванец П. В. О взаимоотношении символической логики и философии. – М.: Наука, 1974. – С.5 – 34.

Пальчук М.И.

КЛАССИФИКАЦИЯ ФОРМ И МЕТОДОВ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАКТИЧЕСКОГО ОБУЧЕНИЯ В ВПУ КУЛИНАРНОГО ПРОФИЛЯ

Эффективность практического обучения в ВПУ является постоянной темой для исследований и апробации в условиях непрерывно меняющихся требований к профессиональному обучению, возникающих в процессе развития рыночных отношений в экономике. Качество образования, воспитание высококвалифицированного специалиста, способного адаптироваться в социуме и на рынке труда в условиях жесткой конкуренции становятся одним из основных факторов оптимизации использования трудового потенциала. Поэтому, кроме научных исследований в этой области, существует ряд документов, свидетельствующих о том значении, которое придает государство этому вопросу. Для классификации форм и методов организации практического обучения в ВПУ кулинарного профиля обратимся к Закону Украины «О профессионально-техническом образовании» [1]. В Статье 25 «Формы организации учебного процесса» указано, что профессионально-практическая подготовка проводится в учебных мастерских, на полигонах, на тренажерах, автодромах, трактородромах, в учебно-производственных подразделениях, учебных хозяйствах, а также на рабочих местах на производстве или в сфере услуг:

- урок производственного обучения в учебном заведении;
- урок производственного обучения на производстве или в сфере услуг;
- производственная практика на рабочих местах на производстве или в сфере услуг;
- преддипломная (предвыпускная) практика на производстве или в сфере услуг;
- другие формы профессиональной практической подготовки.

Профессионально-практическая подготовка учащихся, слушателей осуществляется в тесной связи с выпуском качественной продукции, предоставлением услуг, которые оплачиваются в соответствии с действующим законодательством [7, с. 279].

Весьма важная задача обучения – формирование активного, творческого отношения к выполняемой работе. При обучении учащихся практическому выполнению трудовых приемов и операций необходимо правильно сочетать педагогическое руководство и контроль со стороны мастера с постановкой учащимся ряда трудовых задач для самостоятельного решения, учатся подбирать и осуществлять необходимые, наиболее рациональные приемы работы, учитывая качество материала, технологические и другие требования к ее выполнению. Опыт показывает, что профессионально-трудовые навыки, полученные при самостоятельном решении учебных задач, достаточно гибки, разнообразны и находят широкое применение в практической деятельности.

Необходимым условием успешного формирования и совершенствования профессиональных умений и навыков, по мнению А.Г. Якубенко, является умение учащихся организовывать свой труд, рационально планировать работу и контролировать свои действия, т.е. осуществлять самоконтроль как за правильностью их выполнения, так и за качеством изготовленных изделий [9, с. 5, 19, 20, 24].

Характеризуя особенности определения структуры труда в современных условиях, А.Х. Шкляр выделяет шесть его форм [8, с. 7-8]. Во-первых, это количественное расширение труда, что означает объединение нескольких различных работ, выполнявшихся ранее различными сотрудниками, в новую расширенную трудовую задачу. Во-вторых, это качественное обогащение труда, которое связано с включением различных элементов труда в целостный трудовой процесс, дополнительное участие в подготовке работы, управлении, контроле за результатом труда. В-третьих, это смена рабочего места. При этом может допускаться и неизменность в содержании труда, но зато исключаются однообразие, монотонность. Работник при такой организации труда повышает свою профессиональную мобильность, а наниматель получает возможность более гибко использовать кадры при различного рода неполадках. В-четвертых, это групповой труд, связанный с выполнением группой рабочих каких-то взаимосвязанных задач. В-пятых, это разделение рабочего места, ситуация, в которой несколько работников, как бы делят между собой полное рабочее место, самостоятельно решая вопрос распределения времени. В-шестых, это условия труда, которые создаются путем приспособления условий труда к человеку, приспособлением человека к условиям труда, приспособлением человека к его социальному окружению [там же].